

Софья Захарова (Москва)

Петербург 1840-х гг. в мемуарных очерках Эдуарда Йеррмана

Sofia Zakharova (Moscow)

St. Petersburg 1840s in the Memoirs of Edward Jerrmann

Резюме. В статье рассматриваются мемуары немецкого актера Эдуарда Йеррмана. В 1842—1845 гг. автор работал в немецком театре в Петербурге. Вернувшись на родину, Йеррман написал книгу «Неполитические картины из Санкт-Петербурга». Мемуары, содержащие ценные сведения о русских законах, об облике Петербурга и его окрестностей, о петербургской культурной жизни, до сих пор не были переведены на русский язык и не становились самостоятельным объектом научного исследования. Автор рисует в очерках картину почти сказочного города, в котором все поражает своим величием, красотой и необъятными размерами. Николай I предстает в мемуарах образцом идеального правителя, жизнь которого посвящена постоянной заботе о стране и подданных. Книга Йеррмана рассмотрена в статье на фоне антирусской литературы, главным образом на фоне сочинения А. де Кюстина «Россия в 1839 году». В конце статьи приведены возможные гипотезы о том, зачем Йеррман написал хвалебную книгу о России и Николае I в частности: эти мемуары могли быть заказаны III Отделением, или же автор написал их, рассчитывая получить от российского правительства денежное вознаграждение.

Ключевые слова. Эдуард Йеррман, Петербург, мемуары, Астольф де Кюстин, антирусская литература, Николай I.

Abstract. The article discusses the memoirs of the German actor Edward Jerrmann. The author was working in a German theater in

St. Petersburg during the period of 1842—1845. Having returned to his homeland, Jerrmann wrote the book *Pictures from St. Petersburg*. These memoirs containing valuable information about Russian laws, the Petersburg's image and its outskirts, as well as its cultural life, have not yet been translated into Russian and have not become an independent object of research studies. In his essays the author paints a picture of an almost fabulous city, where everything astounds us with its grandeur, beauty and immense size. Nicholas I appears in his memoirs as an example of an ideal ruler, whose life is devoted to the constant care of the country and his nationals. In this article Jerrmann's book is considered against the background of anti-Russian literature, mainly of the work of Marquis de Custine *Russia in 1839*. Hypothetical motivation of Jerrmann for writing a laudatory book about Russian Empire, and Nicholas I in particular is presented at the end of the article. These memoirs might have been ordered by The Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery or the author wrote them counting on monetary reward from the Russian government.

Keywords. Edward Jerrmann, Petersburg, memoirs, Astolphe de Custine, anti-Russian literature, Nicholas I.

Россия и ее столица в середине XIX в. привлекали внимание зарубежных и в частности немецких авторов. В 1820—1850-е гг. было написано колоссальное количество мемуаров о России, отличавшихся полярностью мнений: сочинения были либо резко положительными, либо крайне отрицательными.

Антирусская литература была распространена в Германии в среде левых радикалов и либерал-демократов. Как правило, подобные сочинения описывали Россию такими клише, как «азиатская», «варварская», «деспотическая», и содержали критику всех слоев населения Российской империи.

Авторами резко положительных сочинений, как правило, выступали немецкие аристократы и консерваторы. Им было необходимо противостоять антирусским настроениям, их пугали нарастающие в Европе социальные волнения. Россия казалась

им идеальной страной, в которой веками не менялась форма правления и на поддержку которой они рассчитывали [см.: Заиченко 2004].

Стоит отметить, что образ России в Германии был некоей метафорой собственной государственной власти. Порицая Россию, автор тем самым высказывал недовольство политической элитой своей страны. Аристократы воспринимали антирусскую литературу как нападки на себя. Это было характерно не только для Германии, но и, по всей видимости, для Европы в целом. Так, В. А. Мильчина отмечает:

У французских публицистов Июльской монархии ни одно высказывание о России не было нейтральным, и осуждение, и восхваление Российской империи всегда затевалось ради того, чтобы преподать урок собственной французской власти, упрекнув ее либо — «слева» — в недостатке демократизма, либо — «справа» — в избытке такового [Мильчина 1995: 287].

Самое популярное произведение первой половины XIX в. о России — скандально известные мемуары маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Эта книга представляет собой путевые заметки Кюстина, который провел два летних месяца 1839 г., живя в Петербурге и путешествуя по стране. Мемуары вышли в свет в мае 1843 г. и пользовались в Европе огромной популярностью [см.: Мильчина 2008а: 721].

Петербург в «России в 1839 году» — город-казарма, населенный людьми, склонными к раболепию. Россия для Кюстина — «выкрашенная степь и оштукатуренное болото» [Кюстин 2008: 259]. Автор постоянно подчеркивает непрочность всего, возведенного в Петербурге, саму идею основания города на болотистой местности он считает противной Богу. Наибольшее возмущение у мемуариста вызывает несовпадение в России видимости и сущности. Он укоряет русских за мнимую образованность, называя их «народом-подражателем» [Кюстин 2008: 181].

После выхода «России в 1839 году» о Российской империи и Николае I уже невозможно было писать, не учитывая сказанно-

го в этих мемуарах, поэтому все сочинения, посвященные этим темам, либо, опираясь на эту книгу, подтверждали высказанные в ней мысли, либо пытались опровергнуть мнение Кюстина.

Количественно значительно преобладала антирусская литература. Именно с ней полемизирует в своих мемуарах Эдуард Йеррман (1798—1859) — немецкий актер, гастролировавший в Париже, в Вене, в Санкт-Петербурге и во многих крупных городах Германии. В 1842—1845 гг. Йеррман работал в немецком театре в Петербурге. Вернувшись в Германию, актер в 1851 г. выпустил книгу «Неполитические картины из Санкт-Петербурга» (нем. «Unpolitische Bilder aus St. Petersburg»). Книга Йеррмана еще не становилась самостоятельным объектом научного исследования, осталась в России практически незамеченной. Мемуары до сих пор не переведены на русский язык, хотя содержат много ценных сведений о петербургской и в целом русской жизни 1840-х гг. и представляют собой яркий образец сочувственной по отношению к России литературы.

«Неполитические картины» — небольшая книга объемом в 282 страницы, несмотря на который, эти мемуары претендуют на всеохватность и энциклопедичность. Очерки состоят из 42 глав, каждая из которых, судя по названиям, должна описывать определенную сторону жизни петербуржца. С одной стороны, членение заметок на главы отражает такую классификацию наблюдаемой реальности, которую мы заранее ожидаем от путешественника, то есть от человека, который впервые посещает страну и описывает то, что видит («Здания», «Блюда и напитки», «Памятник Петру I» и др.), с другой стороны, в некоторых разделах автор претендует на более пристальное изучение предмета, ср.: «Полиция», «Судопроизводство», «Господин и слуга».

В «Предисловии» автор очерков подчеркивает, что его книга основана на достоверной информации: «Ich schildere nur, was ich teils mit eigenen Augen gesehen, teils aus zuverlässigen Quellen geschöpft» [Jerrmann 1851: V]¹. Мемуарист претендует на полную

¹ «Я описываю только то, что видел своими глазами или почерпнул из других достоверных источников (здесь и далее везде перевод мемуаров Йеррмана наш. — С. 3.)».

беспристрастность, утверждая следующее: «Meine Ansichten können Widerleger finden; — die Tatsachen, worauf sie sich gründen, finden deren nicht» [Jerrmann 1851: VIII]². Действительно, сочинение пестрит разной удивительно точной информацией, например, о том, на каких условиях петербуржец может получить кредит на строительство дома, как высчитывается размер пенсии артистов и т. д. Здесь важно указать на то, что Йеррман никогда не ссылается на источники информации, представляя ее как неоспоримую истину.

С одной стороны, обилие сведений, включающих точное указание процентов, сумм играет важную роль в построении текста очерков. За счет этой фактографичности автор пытается создать иллюзию беспристрастного повествования, которому можно доверять. С другой стороны, такой прием удается мемуаристу плохо, текст не выглядит достоверным, поскольку включает и длинный ряд исторических анекдотов, например, о том, как строился Петербург, о жизни крестьян, помещиков, неких знакомых Йеррмана из среднего класса. Актер показывает прошлое и настоящее России в виде череды житейских историй, как правило, счастливых.

Очерки были демонстративно названы автором «неполитическими», что не помешало автору с явной симпатией писать о Николае I, о русских законах, а следовательно, и о действовавшем политическом режиме. Так, первая глава называется «Император Николай I» и полностью посвящена его возвеличению. Йеррман пишет: «<...> was auf geistigem wie materiellem Gebiete in Russland gedeiht und reift, verdankt seinen Wachstum den allbelebenden Strahlen der Kaiserlichen Sonne, deren Anziehungskraft Wärme und Leben den todten Stoffen entlockt» [Jerrmann 1851: 1]³.

Образ Николая I в мемуарах Йеррмана полностью соответствует концепции Ричарда С. Уортмана. Уортман делает акцент

² «Мои взгляды могут быть опровергнуты, но факты, на которых они основаны, не поддаются опровержению».

³ «<...> то, что процветает и созревает в духовной и материальной сферах России, обязано своим развитием всемогущим лучам императорского солнца, которое своей притягательной силой вызывает тепло и жизнь даже в мертвых материях».

на том, что с приходом к власти Николая I на смену многовековому мифу о чужестранном правителе пришел миф, представляющий Николая I первым по-настоящему русским государем [см.: Уортман 2002: 22]. Император начинает репрезентироваться как выразитель воли и чувств своего народа. Отражение этой репрезентации можно наблюдать и в книге Йермана. Так, в главе «Император Николай I» автор называет правителя «*der wahre Vater seines Vaterlandes*» [Jerrmann 1851: 9]⁴, «*ein wahrer Volksfreund*» [Jerrmann 1851: 2]⁵. Автор рисует образ правителя, который тонко чувствует нужды подданных, близок к ним.

Уортман пишет также о том, что «Николай I занял русский престол в образе любящего супруга и заботливого отца» [Уортман 2002: 335]. Действительно, Йерман, например, в главе «Театр» рассказывает, как император на глазах у всей публики целовал своих детей, чему окружающие, привыкшие к подобным сценам, не были удивлены. В главе «Царская семья» автор несколько раз напоминает читателю о том, как Николай любит свою семью и жену. Мемуарист описывает домик скончавшейся Александры Николаевны в Царском Селе. По словам Йермана, Николай I часто проводил там время, кормя любимых лебедей дочери и молясь возле ее портрета. Семейственность Николая символизирует высшие нравственные качества и ценности, присущие императору и его стране в целом.

Представление о Николае I как о добром и заботливом отце проецируется и на всю Россию. Таким образом, автор хотел представить европейскому читателю Россию в образе большой семьи, окруженной заботой и вниманием отца-государя.

Не только в первой главе, но и на протяжении всей книги мемуарист объясняет все хорошее, что есть в России, влиянием императора. Николай I предстает в мемуарах неким сверхчеловеком, ведущим неустанную борьбу против халатности своих подданных. Автор неоднократно подчеркивает, что некоторые

⁴ «Истинный отец своей родины».

⁵ «Настоящий друг народа».

государственные институты функционируют хорошо только благодаря тому, что работники боятся внезапного визита государя. Так, в книге подробно описываются, например, визиты императора в училища:

Die öffentlichen Erziehungs-Anstalten (Corps genannt) stehen unter dem speziellen Schutze, ja, so zu sagen, unter der persönlichen Oberaufsicht des Kaisers. Vor seinen «visites domiciliaires» sind sie weder Tag noch Nacht sicher. Oft springt Nikolaus von seinem eisernen Feldbette (denn auf einem andern hat er nie geschlafen) mitten in der Nacht auf, schwingt sich auf eine einspännige Droschke und stattet den öffentlichen Instituten seine nächtliche Inspektions-Visite ab [Jerrmann 1851: 54]⁶.

Откуда у Йеррманна эти сведения, неизвестно. В целом автор старается писать не как простой путешественник, для которого все ново, а как человек, обладающий достоверной информацией, инсайдер.

Николай I не только возвеличивается Йеррманном как герой, но и в некотором роде обожествляется: «<...> dass seine Fürsorge ein Eldorado geschaffen, dass kein himmelschreiender Mißbrauch der Gewalt, keine empörende Verwehrlosung in der Justiz- und Polizei-Pflege mehr vorwalte <...>» [Jerrmann 1851: 8—9]⁷. В то же время мемуарист постоянно указывает на то, что Николай I — простой человек, не любящий роскошь и готовый на бесконечное самопожертвование ради блага своей страны. Так, царь в книге Йеррманна спит исключительно на железной кровати, ходит в простом военном сюртуке, автор предполагает, что у Николая даже нет шубы, потому что он носит хлопчатобумажную форму и в лютый мороз.

⁶ «Государственные училища, называемые корпусами, находятся под особой защитой, можно сказать, под личным присмотром императора. От его визитов они не застрахованы ни днем ни ночью. Часто Николай вскакивает посреди ночи со своей железной кровати, так как он никогда не спит на другой, садится в дрожки, запряженные одной лошастью, и начинает свой инспекторский визит в общественные школы».

⁷ «<...> он создал своей заботой настоящий рай, где нет вопиющих злоупотреблений властью, где больше не преобладает возмутительная халатность судебных и полицейских органов <...>».

Петербург в мемуарах иностранцев был воплощением всей России, ее «лицом». Говоря о том, каким предстает образ русской столицы в очерках Йермана, нужно понимать, что мы имеем дело с определенным мифотворчеством, несмотря на то, что автор неоднократно подчеркивает свою беспристрастность и объективность.

То, какой образ Петербурга хочет сформировать мемуарист, можно проследить, обратив внимание на определения, представленные в главе «Постройки». Эта глава занимает девять страниц небольшой по формату книги. Половину главы составляют типичные для Йермана «вставные новеллы» (например, анекдот о первых петербургских каналах, рассказ о том, как добрый граф Шереметьев подарил свободу одному из своих крепостных, вернув его семье деньги, которые отец этого крепостного заплатил за выкуп сына). Остальную часть главы, то есть около четырех страниц, занимает описание домов в Петербурге, Аптекарского и Каменного островов, Казанского кафедрального собора. Можно выделить основные группы синонимичных прилагательных, которые мемуарист использует очень часто: прекрасный (*herrlich, reizend* и др.), огромный (*ungeheuer, kolossal, enorm* и др.), редчайший (*seltenste*), богатый, обильный (*reichlich, gehörig, reich*), своеобразный (*eigentümlich, besonder* и др.). Таким предстает Петербург и в других главах «Неполитических картин».

Автор сравнивает все описываемое с европейскими аналогами, как правило, не в пользу последних. Так, рассказывая о приезде в Петербург и процедуре прохождения таможи, Йерман отмечает, что русские таможенники более вежливые и внимательные, чем австрийские [см.: Jerermann 1851: 11]. С подобным сравнением мы сталкиваемся почти в каждой главе: фонтаны в Петергофе красивее, чем в Версале, отопление в Петербурге дешевле, чем в Вене. Многие в Петербурге совсем не поддаются сравнению, например, оранжереи на Аптекарском острове или консервированные фрукты признаются Йерманом лучшими в мире.

Петербург предстает в очерках не столько реальным городом, сколько неким волшебным пространством, в котором все увиденное поражает своей красотой, величием, необъятными размерами. Повествователю то и дело кажется, что все происходит как по волшебству. Такой прием встречается, например, в главе «Праздник в Петергофе» два раза:

Die prunkvollen Gebäude dieser Sommer-Sitze einerseits, mit den herrlichen Monumenten und Statuen, die sie umgeben, die bezaubernden Anlagen, Alleen, Baumgärten andererseits, führen uns *wie mit Zauberschlag* aus dem eisigen Norden hinweg und versetzen uns in die milde Zone des Südens [Jerrmann 1851: 24]⁸.

Через страницу читаем: «Auf ein Zeichen der Kaiserin wird nun plötzlich der ganze ungeheure Garten erleuchtet. Dies geschieht *wie durch Zauberschlag*» [Jerrmann 1851: 26]⁹.

Формируемый Йеррманом образ сказочного города усиливается мотивом изобилия, периодически описываемого в книге. В Петербурге, каким его показывает мемуарист, люди питаются не только сытно и много, но и вкусно, что описано, например, в отдельной главе «Блюда и напитки»:

Hier isst man viel und gut, und durch die Billigkeit der Lebensmittel ist gut essen zur Gewohnheit geworden. Keines von denen, welche das Land erzeugt, ist teuer, und was erzeugt dieses Land nicht? — Von Kartoffeln bis zu den edelsten Trauben ist hier, mit wenigen Ausnahmen, alles vorhanden, was nur das südliche Deutschland erzeugt [Jerrmann 1851: 71]¹⁰.

⁸ «Роскошные здания этих летних резиденций окружены, с одной стороны, восхитительными памятниками и статуями, с другой стороны, насаждениями, парками, садами, в которых, *как по волшебству*, переносишься из ледяного севера в приятную зону юга (курсив в оригинале и в переводе здесь и далее наш. — С. З.)».

⁹ «По сигналу императрицы вдруг освещается весь огромный сад. Это происходит *как по мановению волшебной палочки*».

¹⁰ «Здесь едят много и вкусно, благодаря дешевизне продуктов хорошая еда вошла в привычку. Все, что растет в этой стране, недорого, а что же в ней не растет? От картофеля до благороднейшего винограда, здесь, за малым исключением, есть все то же, что и на юге Германии».

Упоминание о подобном изобилии встречается также в других главах, не посвященных еде. Так, в главе «Постройки» Йеррман красочно описывает Милютинские ряды, а в главе «Общественные развлечения» рассказывает о большом количестве вкусных блюд на столах людей среднего класса.

Однако некоторые аспекты петербургской жизни Йеррман все-таки критикует. Так, в главе «Приезд в Петербург» у него вызывают негодование русские гостиницы:

<...> führt ihn aber Raummangel an den besagten Orten oder Lokal-Unkenntnis in ein russisches Hôtel, so hat er gleich bei seinem Eintritt Gelegenheit, eine Seite und zwar eine de la plus hon teuse der Residenz zu studieren. Für den Fremden kann es — eine Waldhöhle etwa ausgenommen, — nicht leicht etwas Abschreckenderes geben, als den Anblick dieser einer Wohnung; nicht leicht etwas Unheimlicheres, als deren Beziehung. Große Räume, denen die sorgfältig säubernde Hand der reinlichen Wirtin zu mangeln scheint, empfangen ihn gewöhnlich bei nicht blendender Beleuchtung» [Jerrmann 1851: 12]¹¹.

Конечно, русские гостиницы не обязательно должны были понравиться мемуаристу, но конструкция «Неполитических картин» заставляет скорее подозревать, что автор специально ищет нечто негативное в образе России, чтобы отвести подозрения в предвзятости. Важно отметить, что этот объект критики наверняка был выбран автором не случайно. Йеррман, понимая, что одни жизнерадостные рассказы могут выглядеть подозрительно, решает осудить русские гостиницы, которые до него были иронически описаны в русской литературе, например, Н. В. Гоголем в поэме «Мертвые души» или А. И. Герценом в романе «Кто виноват?». Поэма «Мертвые души» была впервые переведена на немецкий язык в 1846 г., то есть за пять лет до того, как артист

¹¹ «<...> если же из-за того, что в вышеуказанных отелях нет свободных комнат, или из-за незнания местности он (иностранец. — С. 3.) отправится в русский отель, то у него будет возможность изучить одну из самых позорных сторон жизни в Петербурге. Иностранец вряд ли мог увидеть нечто более ужасающее, за исключением лесной хижины, чем внешний вид этих больших гостиниц, и нечто более неуютное, чем их убранство. Его введут в не очень хорошо освещенные комнаты, которым недостает, кажется, заботливой руки чистоплотной хозяйки».

издал свою книгу. Он мог прочитать «Мертвые души» и подвергнуть критике именно гостиницы, потому что их негативные описания были привычными для самих русских, а главное, проходили официальную цензуру.

Р. Барт выделил такую важную риторическую фигуру создания мифа, как «прививка» [см.: Барт 2014: 314]. Под этим термином Барт подразумевает ситуацию, когда автор открыто признает частный вред от какого-либо глобального явления, маскируя тем самым первопричину проблемы, чтобы отвлечь от нее внимание. Возможно, с такой же целью Йеррман критикует русские гостиницы.

Сочинение Йеррмана полемически заострено против популярных в 1840—50-е гг. разоблачительных памфлетов о России. Уже во вступлении автор представляет свою книгу как вызов общественному мнению, себя самого — как борца за истину, вооружившегося мужеством. Йеррман начинает книгу с того, о чем позже будет многократно напоминать: иностранцы, в частности, немцы имеют в силу ряда причин неправильное представление о России: «<...> über nichts habe ich im aufgeklärten Deutschland so befangene Urteile gehört, als über Russland und seinen Herrscher» [Jerrmann 1851: VII]¹². Неоднократно Йеррман, не указывая конкретных изданий и имен, говорит о том, что такому положению дел способствуют немецкие газеты и авторы сочинений о России.

Несколько раз актер называет прямо тех публицистов, с которыми он спорит. Так, автор вступает в полемику с А. де Кюстинном. Как бы случайно вспомнив о нем в главе «Государственные учреждения», Йеррман раздражается большой гневной тирадой в адрес маркиза и его сочинения: «Da ich des Vicomte de Custine erwähne, kann ich nicht umhin, auch seines traurigen Buches zu gedenken, das durch seine drei Auflagen und den, darin enthaltenen, Unsinn eine momentane Berühmtheit erlangt hat» [Jerrmann 1851:

¹² «<...> я не слышал в просвещенной Германии ни о чем таких предвзятых заблуждений, как о России и о ее благородном правителе».

55]¹³. Автор подчеркивает нелогичность и противоречивость мемуаров, упрекает Кюстина в недостаточном знании русского языка и жизни народа, долго перечисляя, чем занимался аристократ в России: «<...> eine Zeit, die er mit Visiten, Bällen, Concerten, Theater, Paraden, Manövers, Hoffesten und überdies noch mit Reisen nach Moskau, Charkow und, glaube ich, auch nach Kasan verbrachte» [Jerrmann 1851: 55]¹⁴. Йерман укоряет маркиза не только незнании русской жизни, но и в том, что им при создании «России в 1839 году» руководили личные мотивы:

<...> der edle Vicomte, der in dem ersten Teile seines schlechten Buches — noch in Petersburg geschrieben — den Kaiser wie ein Schooßhündchen beleckte, in der Hoffnung, die nachgesuchte Amnestie für einen polnischen Protégé zu erhalten, und nach dem Scheitern dieser Hoffnung im zweiten Teile denselben Mann mit Indiskretionen, Unwahrheiten und unlauterem Geschwätz aller Art überschüttete [Jerrmann 1851: 56]¹⁵.

Заметим, что неизвестно, о каком «протее» идет речь (В. А. Мильчина и А. Л. Осповат в многочисленных работах, посвященных Кюстину, тоже о нем не упоминают) и что различия в том, как Кюстин оценивает Николая I и его государство, между двумя томами, на наш взгляд, нет.

Йерман пишет, что аристократ лучше разобрался бы в реалиях петербургской жизни, если бы гулял по улицам, посещал государственные учреждения, а вечером, вместо похода в салон, поговорил бы с дворником. Тем самым автор намекает на то, что

¹³ «Так как я упомянул о виконте де Кюстине, я не могу не упомянуть о его плачевной книге, которая, благодаря трем изданиям и содержащейся в ней чепухе, мгновенно стала известной».

¹⁴ «<...> (Кюстин. — С. 3.) проводил время в визитах, театрах, на балах, концертах, парадах, маневрах, придворных праздниках и в придачу в поездке в Москву, Харьков и, если не ошибаюсь, в Казань».

¹⁵ «<...> благородный виконт в первой части своей плохой книги, написанной еще в Петербурге, подлизывался к императору, как комнатная собачка, в надежде получить желанную амнистию для одного польского протее. После крушения этой надежды во второй части он осыпал этого же человека бестактностью, неправдой, недобросовестной болтовней всех видов».

сам он поступал подобным образом, следовательно, его книге можно доверять.

Далее следует интереснейшее место в «Неполитических картинах из Санкт-Петербурга»: артист утверждает, что ему в руки якобы попал экземпляр книги Кюстина, в котором сам император делал пометки красными чернилами. Актер говорит, что Николай I от души смеялся над «нелепостями», которые написаны в сочинении Кюстина [см.: Jerdmann 1851: 57]. С одной стороны, эти факты выглядят абсолютно неправдоподобными и свидетельствуют о богатой фантазии Йермана и о том, что он, кажется, переоценивал наивность читающей публики, если полагал, что она может поверить в то, что он читал книгу императора. С другой стороны, есть малая доля вероятности, что автору, если его книга представляет собой выполнение заказа русского правительства, действительно позволили ознакомиться с заметками Николая I. Если это так, то он, видимо, не понял, что этот источник информации нужно было держать в тайне.

Вопрос о том, зачем актеру опровергать неправильные с его точки зрения представления о России, остается открытым. Можно выдвинуть несколько гипотез. Самая наивная, но в то же время не лишенная естественных оснований — Йерману действительно очень понравился Петербург, и он был благодарен императору за подаренный ему после удачного выступления перстень [см.: Jerdmann 1851: 114], поэтому он не мог не спорить с волной негативных публикаций о Российской империи. Однако это предположение кажется маловероятным, если учесть настроение Йермана в главе «Театр»: автор был обижен на пренебрежение, которое император и петербургская публика выказывали немецким артистам. Так, у немецкой труппы были плохие костюмы и декорации, Николай I почти не посещал их представления, в то время как итальянские и французские исполнители пользовались покровительством императора и любовью петербуржцев. Иными словами, изображение самой интимной, близкой лично Йерману сферы жизни Петербурга противоречит идее личных, искренних, биографически объясняемых симпатий автора к этому городу.

Возможно, эти симпатии имеют не личный, а, так сказать, классовый характер, и любовь Йермана к Петербургу имеет общие корни с другими источниками европейского русофильского дискурса этого времени. Однако, как мы уже писали в начале этой статьи, публичная защита России характерна скорее для аристократических слоев [см.: Заиченко 2004], к которым мемуарист в силу профессиональной принадлежности не относился.

Мы располагаем крайне ограниченным количеством сведений о жизни Йермана и не знаем ничего о его финансовом положении в конце 1840-х гг., когда он начал писать книгу. Возможно, он нуждался в средствах, и поэтому написал хвалебные очерки о России и Николае I, рассчитывая на денежное поощрение. Расчет этот в таком случае не был совсем безосновательным: заслужить гонорар за русофильское сочинение в это время пробовали многие литераторы, особенно желавшие обогатиться французы [см.: Мильчина 1995, Мильчина 2008б].

Также можно предположить, что «Неполитические картины из Санкт-Петербурга» представляют собой выполнение определенного заказа, то есть инициатива создания книги исходила не от автора. Йерману за мемуары могла заплатить одна из административных инстанций, курировавших публичный имидж России за рубежом, например III Отделение. Против этого варианта как будто говорят упоминания Кюстина, открытую полемику с которым российское правительство не поощряло [см.: Мильчина 2008а: 721], и восстания декабристов, упоминания которого также всячески старались избегать [см.: Мильчина 2008б: 241—246]. С другой стороны, мемуарист обращается к книге Кюстина всего один раз, а о 14 декабря пишет так убедительно и страстно, что ему это могли позволить или простить [см.: Jerrmann 1851: 132—140].

Йерман несомненно был знаком с некоторыми людьми, связанными с III отделением. Так, мемуарист сам рассказывает о контактах с Н. И. Гречем [см.: Jerrmann 1851: 56—57], не просто сотрудничавшим с III Отделением, но и лично занимавшимся подготовкой и публикацией за рубежом статей против критических сочинений в адрес России [см.: Рейтблат 2018]. Указать на

близкое общение с Гречем — определенный семиотический жест. Греч сам проболтался о своих связях с русским правительством. Информация об этом появилась во многих немецких газетах [см.: Лемке 1909: 142—152]. Написать о своей связи с Гречем было со стороны автора несколько неосторожно, поскольку подобная дружба бросает тень на непредвзятость и честность мнений, высказанных им в книге.

Вопрос о том, почему Йеррман написал настолько хвалебную книгу о России, и на какие образцы он опирался, нуждается в дальнейшем рассмотрении.

СОКРАЩЕНИЯ

Барт 2014 — *Барт Р.* Мифологии. М., 2014.

Заиченко 2004 — *Заиченко О. В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Кюстин 2008 — *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. СПб., 2008.

Лемке 1909 — *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е. СПб., 1909.

Мильчина 1995 — *Мильчина В. А.* И еще одна книга о России // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 285—290.

Мильчина 2008а — *Мильчина В. А.* Несколько слов о Маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях // Мильчина В. А., Осповат А. Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008.

Мильчина 2008б — *Мильчина В. А.* «Ту власть должны мы воспевать, что нам дает спокойно кушать»: Дево-Сен-Феликс и его «Николаида» // И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 235—248.

Рейтблат 2018 — *Рейтблат А. И.* Наблюдательный и Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108—164.

Уортман 2002 — *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. (=Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8). М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I.

Jerrmann 1851 — *Jerrmann E.* Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin: Allgemeine Deutsche Verlags-Anhalt, 1851.

Сведения об авторе: Софья Александровна Захарова, МГУ имени М. В. Ломоносова, студентка 1 курса магистратуры; Москва, Россия; e-mail: zakharovasofi@yandex.ru

About the author: Sofia A. Zakharova, Lomonosov Moscow State University, student; Moscow, Russia; e-mail: zakharovasofi@yandex.ru